

Международный фактор во внутриполитических трансформациях в «албанском мире» Косово*

Екатерина Геннадьевна Энтина, НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Адрес для связи: e.entina@hse.ru

АННОТАЦИЯ

Косовский сюжет исследуется в научной и экспертной литературе преимущественно с точки зрения его международно-политической составляющей. При этом в условиях общности социально-политических процессов, происходящих в Европе в последние пять-семь лет, изучение его внутриполитической составляющей, а именно партийно-политического транзита под влиянием внешних условий и с учетом задач международного сообщества по стабилизации региона, не менее значимо. В статье с опорой на классификации партийных систем Дж. Сартори и теории партийных перемен Р. Хармела и К. Джанды ставится вопрос о том, какую роль Европейский союз сыграл в институциональной трансформации партийно-политического «албанского мира» Косово; какие возможности и пределы были достигнуты в результате; почему опора на разные стратегии институционального строительства в условиях, когда одновременно реализовывалась и задача государственного строительства, не дала ощутимого результата. Объясняется, почему сложная конфигурация международной миссии в Косово на практике привела не к росту ее легитимности и появлению системных институтов управления, а напротив, потере авторитета. В статье подробно анализируется и описывается процесс партийно-политических трансформаций в «албанском мире» Косово, даются основные вехи в развитии партийной системы с участием крупных партий – наследников эпохи острой фазы косовского конфликта. Высказываются предположения, каким образом они могут трансформироваться в дальнейшем. Выявляются слагаемые успеха популистского движения «Самоопределение», а также устойчивость этого успеха в условиях изменяющейся геометрии международных отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Косово, партийно-политические трансформации, популизм, Европейский союз, сербо-албанские отношения

* В соответствии с Резолюцией СБ ООН 1244 является частью Республики Сербия.

Практически тридцать лет косовская проблема является одним из центральных сюжетов как для специалистов в области теории международных отношений, так и для регионоведов, историков-международников. Нерешенным остается окончательный статус края. Довольно смутным российской экспертной и научной общественности представляется и то, что происходит в его внутреннем развитии. Исключением могут служить работы П.А. Искендерова¹, а также комплексная работа Е.Г. Пономаревой² по развитию государственности на постъюгославском пространстве.

Подобная ситуация сложилась неслучайно. В мировой историографии по косовскому сюжету основное внимание в силу традиционных, очень ярких и многогранных этнических противоречий на Балканах, а также прецедентного характера данной проблемы уделяется сербо-албанскому диалогу, «великоалбанской идее», вопросам безопасности и терроризма³, проблемам кризисного регулирования косовского вопроса⁴, в том числе в результате роста исламского фактора в регионе⁵. Состоятельность «косовской государственности» главным образом рассматривается в контексте конкуренции международных субъектов⁶, перспектив европейской интеграции⁷, изредка – социально-экономических проблем молодого и крайне бедного по европейским меркам албанского населения. При этом остаются за скобками исследований по Косово состоятельность политики международных акторов, внутреннее политическое развитие, особенно албанской (да и сербской), общины края и специфика сложившейся партийно-политической сцены, которые напрямую влияют на успешность и сербо-албанского диалога, и социально-экономического развития края. Впрочем, некоторые из работ ограничиваются общими, хотя и справедливыми, стереотипами о незрелости, внешней зависимости и идейной однородности партийно-политических игроков в «албанском мире» Косово.

Вместе с тем отечественные и зарубежные исследователи сходятся во мнении о том, что «одинаковое отношение политических партий албанцев к статусу Косово создало представление о них у внешних наблюдателей как близких и не заслуживающих отдельного внимания, что, в свою очередь, породило “единый образ” албанцев-косоваров»⁸. Конфликты на постъюгославском пространстве начала 1990-х гг., которые внешне имели и религиозный подтекст (на деле второстепенный), заложили в публичном пространстве неточную логику дифференциации албанцев и их политической жизни главным образом по страновому принципу. Однако в научных кругах хорошо известно, что в основе внутриабанских различий лежит не столько территориальная принадлежность, сколько этноклановый фактор, что делает анализ внутривнутриполитических тенденций в Косово, с одной стороны, более запутанным и сложным, а с другой – востребованным.

1 Искендеров 2015.

2 Пономарева 2010.

3 Пономарева 2018; Пономарева 2019.

4 Тренин, Степанова 1999; Кандель 2009; Bieber 2011; Bieber 2003.

5 Bieber 2004.

6 Bieber 2019; Энтина 2016.

7 Кандель 2020a; Кандель 2020b; Кандель 2018; Bieber 2015.

8 Улунян, А.А. Особенности общественно-политического развития «албанского мира» Косово // Полит.ру. 9 ноября 2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://polit.ru/article/2009/11/09/kosovo/> (дата обращения: 19.02.2020).

Дополнительную остроту вопросу о том, как в действительности изменяется «албанский мир» Косово, придает то обстоятельство, что в более широком измерении Албания и Сербия (как «центры» двух наиболее крупных субрегиональных этносов) становятся транспортным, инфраструктурным и транзитным узлом в Юго-Восточной Европе. Кроме того, их правящие политические элиты начали свое восхождение к власти еще в 1990-е гг. Эти элиты объединяет не только исторический «багаж», вынуждающий применять определенную политическую риторику, но и своя логика внутреннего взаимодействия, «работы» с внешними акторами, бизнесом и существующим еще со времен социалистической системы теневым экономическим сектором. Это в неменьшей степени влияет на складывание партийно-политической сцены и особенности ее трансформации в Косово как территории, по сути, представляющей «зеркало» всех перечисленных выше наложений.

Теоретические основы исследования

Косово представляет собой классический пример квазигосударства: очевидно, что по отношению к Приштине определяющей проблемой оказывается вопрос о международно-правовом статусе Косово. Центральной внутренней проблемой является эффективность «государственной» власти: отсутствие фактического контроля над сербской частью, которое продолжалось практически до середины 2010-х гг., неготовность сформировать сообщество сербских общин, предполагавшееся в рамках Соглашения о нормализации отношений между Белградом и Приштиной 2013 г., а также перманентное кризисное состояние в политической жизни «албанского мира» Косово.

В статье используются два теоретических подхода к осмыслению партийных трансформаций: классификация партийных систем Дж. Сартори и теории партийных перемен Р. Хармела и К. Джанды. Дж. Сартори выделяет несколько типов партийных систем: однопартийная система с партией-гегемоном, система с преобладающей партией, двухпартийная система, система ограниченного плюрализма, система поляризованного плюрализма, атомизированная партийная система¹. В Косово произошел переход от системы ограниченного плюрализма с тремя основными партиями к атомизированной системе с множеством мелких партий, а потом – к кристаллизации партий нового типа, преимущественно на популистской основе.

Для объяснения причин партийной трансформации используется теория Р. Хармела и К. Джанды, утверждающая, что изменения в партийной системе и в партиях в целом являются следствием трех видов событий: смены руководства, смены доминирующей фракции и внешних стимулов². В данной статье именно третий вид переменных – внешние стимулы, исходящие от иностранных субъектов, – являлись причиной партийных изменений. Кроме того, внешние стимулы были первопричиной изменения двух других переменных: из-за действий внешних стимулов менялось руководство партий, на лидирующие позиции выходили новые фракции-кланы.

1 Sartori, Mair 2005.

2 Harmel, Janda 1994.

Наконец, крайне важно отметить, что все косовские партии принадлежат к так называемым «партиям-максимизаторам» – партиям, чья первичная цель заключается в приобретении и распределении максимального количества ресурсов (материальных, политических и иных) среди ее участников. Именно поэтому остальные виды первичных целей – максимизация голосов, политического представительства, максимизация вектора проводимых политических решений – отходят на второй план.

В статье утверждается, что в силу особенностей косовских партий (партии-максимизаторы демократии / ресурсов) переход внешних игроков от модели прямого управления в Косово к модели непрямого управления через возвращение лояльных политических лидеров и структур обусловил переход от системы ограниченного плюрализма к атомизированной партийной системе, а потом – к ее крену в популизм.

Внутриполитическая трансформация

В 1980–90-е гг. среди политических элит Косово существовали три конфликтующих между собой подхода к решению проблемы края. Первый – условно милитаристский, которого придерживалось созданное в 1982 г. Народное движение Косово, затем переросшее в ОАК (Освободительная армия Косово). Второй – условно реформистский. Его разделял Союз реформаторских сил Югославии А. Марковича, одного из наиболее последовательных сторонников «югославизма», который верил, что косовскую проблему можно решить через большее вовлечение косовских албанцев в политическую жизнь тогда еще единой Югославии. Среди косовских албанцев близко к этим позициям находились Ш. Малики и В. Сурройи. Третий подход – условно индифферентный, не предполагавший ни насилия, ни участия в политической жизни Югославии, но обретение Косово статуса еще одной республики. Как справедливо указывает А. Улуныян, Демократическая лига Косово (ДЛК), которая была создана полулегально, представляла собой значительную прослойку албанской интеллигенции во главе с И. Руговой, надолго стала единственной политической силой, способной к объединению албанцев в масштабах всего края. «Образовавшиеся в начале 90-х годов несколько других партий [...] не смогли выступить серьезными конкурентами ДЛК. В то же время сам факт их появления свидетельствовал о начавшемся процессе политического размежевания в албанской общине края. На этом этапе общественно-политического развития албанцев-косоваров идеология создания собственного национально-административного образования, равного по статусу другим союзным республикам Югославии, была доминирующей»¹.

Был ли этот переход следствием так называемых репрессий со стороны Белграда или результатом растущего албанского национализма – вопрос фундаментальный. Очевидно, что на обострении косовской проблемы сказались противоречивые трактовки права нации на самоопределение и подходы к выстраиванию демократических институтов, заданные не без участия мирового сообщества².

1 Улуныян, А.А. Особенности общественно-политического развития «албанского мира» Косово.

2 Mrdalj 2020.

Если согласиться с мнением западных аналитиков о том, что рост албанского национализма был обусловлен «притеснениями со стороны Белграда», и абстрагироваться от того, что общий лозунг «Косово – республика», доминирующий в среде косовских албанцев с конца 1970-х гг., объединял и приштинскую номенклатуру, и внепартийную интеллигенцию и эффективно транслировался в массы, то все равно без ответа остается вопрос о том, почему, если основной проблемой албанцев был режим С. Милошевича в Белграде, они отказались от участия в выборах, которые могли определить исход режима? При этом представители США и ЕС, которые открыто настаивали на демократическом вовлечении и диалоге во всех остальных случаях на пространстве бывшей Югославии, да и за его пределами, в отношении Приштины не проявляли особых усилий к тому, чтобы вовлечь албанцев в политическую жизнь Югославии. Возможно, таким образом они пытались в большей степени добиться уступок от С. Милошевича по Боснии и Герцеговине и Хорватии.

Более убедительно выглядит довод о том, что отказ от участия в республиканских институтах и диалоге на федеральном уровне был сознательной стратегией албанцев. Более того, активизация сепаратистского движения в крае в 1980-е гг. по многим параметрам спровоцировала само восхождение политической фигуры С. Милошевича. Отстранение и пассивное сопротивление первой половины 1990-х гг., по всей видимости, казалось И. Ругове удачной тактикой, которая оставляла албанцам возможность в итоге добиться независимости или хотя бы республиканского статуса, который впоследствии все равно открывал путь к независимости. Однако довольно быстро ДЛК, пытаясь делегитимизировать «сербский режим» в Косово через бойкот и вместе с тем отказываясь от более резкой позиции, начала выглядеть амбивалентно в глазах набиравших силу молодых лидеров ОАК. То, что косовский вопрос не включили в Дейтонские соглашения, позволило им начать открытую борьбу за независимость. Вплоть до второй половины 1999 г. внутриполитическая повестка в Косово была узурпирована ею.

Однако с установлением временной администрации в Косово, в соответствии с резолюцией СБ ООН 1244, косовские албанцы оказались в причудливой ситуации: как неоднократно указывал В. Сурройи, известный журналист и политический деятель Косово, «они должны были осуществить транзит от коммунизма к демократии, от насилия к ненасилию, от апартеида к власти большинства – при этом сделать это в одно время в одном месте»¹. Этот транзит до некоторой степени был осуществлен международными структурами в Косово, но основная проблема заключалась в том, что в этом практически не участвовали албанцы. Впоследствии этот феномен получил название «доброжелательной автократии».

В июле 2000 г. миротворческая миссия де-факто навязала Приштине пропорциональную избирательную систему представительства с голосованием по закрытым спискам. Она мало отвечала интересам наиболее сильных на тот момент партий – ДЛК и ДПК. Демократическая партия Косово (ДПК) выступала за мажоритарный принцип, поскольку предполагала, что получит большинство голосов как партия победителей в «освободительной войне». ДЛК же стремилась

1 Beha 2019, 675.

добиться некой гибридной формы, сочетающей мажоритарный и пропорциональный принципы. Фактически решение, принятое МООНК, блокировало вероятность складывания некоалиционных правительств. С одной стороны, подобный подход обеспечивал возможность небольшим партиям и партиям меньшинств гарантированно иметь свое представительство в парламенте, исключал сосредоточение всего властного ресурса в руках одной партии. Но важнее, что он стимулировал участие в выборах для граждан, тем самым легитимируя временные институты косовского самоуправления, а до некоторой степени – и присутствие МООНК¹. С другой стороны, этот подход спровоцировал постоянную смену правительств и проведение внеочередных выборов в силу шаткости, этноклановости формирующихся блоков и их зависимости от вопроса о статусе края. Данная неустойчивость, во многом спровоцированная институциональными решениями миссии, оказалась основным фактором внутривнутриполитической жизни Косово на протяжении всех последних двадцати лет. Она фактически обеспечила усиление и герметизацию нескольких закрытых партийных структур во главе с влиятельными и авторитетными лидерами постконфликтной эпохи, оставив место для потенциальной оппозиции только в поле политического популизма.

Столкнувшись с постоянным игнорированием со стороны местных политических элит задач по строительству общих институтов, МООНК стала использовать различные практики принуждения к диалогу, которые, впрочем, очень плохо отвечали реальному положению дел в крае. Так, сербы начали формирование «параллельных» структур управления. Демократическая лига Косово создала ряд институтов, назвав их «институтами Республики Косово» и признавая их исключительную легитимность. Демократическая партия Косово, позиционировавшая себя наследниками успеха «освободительной войны», выстроила институты временного правительства. МООНК пыталась наладить диалоговые механизмы между сербами и албанцами и внутри «албанского мира», каждый раз давая понять, что ее поддержку получают только умеренные и конструктивные политические силы, однако никакого результата это не давало. Ряд западных ученых (например, Ф. Бибер) справедливо объясняют отсутствие результата МООНК в Косово тем, что, в отличие от Боснии и Герцеговины, здесь речь шла не только о выстраивании внутренних институтов и взаимодействия, но – и в первую очередь – об определении статуса данной территории². Его нерешенность приводила к тому, что призывы к умеренной политической борьбе и диалогу оказывались не более чем лозунгами.

Выборы в парламент, прошедшие осенью 2001 г., продемонстрировали, что главными политическими оппонентами в албанском политическом мире Косово оказались гражданская политическая партия Демократическая лига Косово и использовавшая военно-политический престиж и образ «сражавшихся партизан» ее основателей Демократическая партия Косово. Более того, произошел раскол в рядах тех, кто из полевых командиров ОАК становился политиком. Так, в частности, ДПК под руководством Х. Тачи и Альянс за будущее Косово, во

1 Beha 2017, 41.

2 Keil, Bieber 2009.

главе которого стал Р. Харадинай, выступали как самостоятельные политические силы¹.

В соответствии с договоренностями от февраля 2002 г. ДЛК, ДПК и Альянс за будущее Косово создали большую коалицию, в которой ДПК получила портфель премьер-министра, ДЛК – президента Косово, а Альянс за будущее Косово и коалиция «Возвращение» блокировались в правительстве. Такая большая коалиция создавалась в расчете на запуск «консенсуальной демократии» и на то, что в результате удастся снизить уровень противостояния между ДЛК и ДПК. Кроме того, понимая, что все партии так или иначе выстроены на основе этнических и клановых союзов в рамках четких территориальных границ «избирательной базы», приведение их к сложному коалиционному формату выглядело в логике МООНК инструментом расширения собственной легитимности и поддержания статус-кво². Однако большая коалиция столкнулась с предсказуемой проблемой отсутствия внутренней сплоченности и сильного и влиятельного руководства. Премьер-министр Б. Реджепи не являлся реальным лидером ДПК и был вынужден де-факто согласовывать каждое свое действие с Х. Тачи. Правительственная же коалиция очень быстро распалась из-за внутренних распрей. Это логически усилило влияние МООНК, но не работало на укрепление ее легитимности.

23 октября 2004 г. в Косово были проведены вторые всеобщие выборы. Их отличали три основные черты. Во-первых, появление нескольких новых гражданских инициатив и независимых кандидатов. Во-вторых, фактический бойкот сербами участия в выборах в результате мартовских погромов 2004 г. и низкая явка самих косоваров (в районе 45%). В-третьих, попадание ДПК в ряды оппозиции. Наиболее интересным эпизодом стало появление независимых кандидатов из числа гуманитарной интеллигенции – В. Сурройя (лист «ОРА») и Э. Тахири (Демократическая альтернатива для Косово). Лист «ОРА» в итоге набрал 7 мест в парламенте и стал третьей силой. Тогда казалось, что этот приход во власть политиков, не связанных «военным прошлым», задаст новый тренд в развитии партийно-политической системы Косово. Однако этого не произошло. Тем не менее постепенное размежевание ДЛК как более умеренной партии, по мнению А. Улуныя, символизировало «существование параллельной власти в лице албанских нелегальных и полуподпольных институтов и сербских, являвшихся инструментами белградского режима. ДЛК, постепенно прекращая свою функцию общенационального политического объединения и трансформируясь в политическую партию, фактически подготовила условия для размежевания албанской общины Косова»³.

Однако, в этом отношении практически ничего не изменилось и в ходе выборов 2007 г., а также первых всеобщих выборов после провозглашения независимости – в 2010 г. Выборы 17 ноября 2007 г. были впервые выиграны ДПК, возглавляемой Х. Тачи. В результате вновь была образована коалиция ДПК – ДЛК, активно поддерживаемая западным международным сообществом. Поддержка этой традиционной коалиции объяснялась назревающим выходом на

1 Улуныя, А.А. Особенности общественно-политического развития «албанского мира» Косово.

2 Beha 2017, 63.

3 Улуныя, А.А. Особенности общественно-политического развития «албанского мира» Косово.

договоренности Белграда и Приштины и активно дискутировавшимся планом М. Ахтисаари. Выборы в Косово по времени практически совпали с парламентскими выборами в Сербии, а независимость края в одностороннем порядке была провозглашена на следующий день после подведения их итогов в Белграде.

В этот период свое активное восхождение под лозунгами «Нет переговорам! Самоопределение!» начинает тогда условно антисистемная партия «Самоопределение», которая была образована как гражданское и преимущественно уличное движение еще в 1997 г., а активное восхождение начала на фоне тупика в переговорах между Белградом и Приштиной в 2005 г. С этого момента электорат партии устойчиво рос. Это объяснялось следующими структурными факторами. Во-первых, отсутствием реального идеологического размежевания в структуре основных приштинских партий. Несмотря на то что по программным документам ДПК и ДЛК позиционируют себя как правоцентристские партии, примерно тот же угол всегда занимал Альянс за будущее Косово, а «Самоопределение» в условиях формальной деидеологизации все же больше стремится к европейским социал-демократам, реальное размежевание проходит по линии этнического и кланового разделения и, как следствие, личной лояльности. В этих условиях «Самоопределению» как внеклановой партии, представителю широких масс населения, не только не допущенного к коррупционным практикам косовской элиты, но являющегося основной их жертвой, было не так сложно «отнять» определенный электорат от всех ведущих политических партий и постепенно наращивать его. Во-вторых, наличие постоянных коалиций (в основном мелких), а также возникновение новых партий в ходе каждых выборов давало дополнительное пространство для кооперативного маневра и мелких поглощений. В-третьих, фактическая невозможность сформировать некоалиционное правительство в принципе создала у населения четкое ощущение, что все партии одинаковые. Эта ситуация обеспечила для «Самоопределения» выгодную возможность позиционировать себя как «внешнего», не принадлежащего к правящим элитам, игрока и капитализировать свой багаж на этой основе¹, сочетая национализм с риторикой социальной справедливости и борьбы с коррупцией.

Выборы 2010 г. были первыми всеобщими выборами, организованными после провозглашения независимости преимущественно «приштинскими» институтами, то есть формально относительно самостоятельно. Победу на них одержала ДПК, сформировавшая очередную широкую коалицию, во главе которой премьер-министром стал Х. Тачи. При этом пост президента по коалиционному соглашению занял Б. Паццоли. Но его избрание было немедленно оспорено как нарушающее некоторые положения Конституционного закона Косово, что суд спустя несколько месяцев признал. В результате итоги первых практически самостоятельно проведенных выборов оказались в руках международного сообщества: в апреле 2011 г. Х. Тачи, Б. Паццоли и И. Мустафа как представители основных политических партий подписали соглашение, в соответствии с которым президентом становилась А. Яхьяга. Подписание этого соглашения проходило при прямом посредничестве посла США в Косово К. Делла и на услови-

1 Yabanci 2016, 24–25.

ях скорейшего проведения избирательной реформы¹ (которая в полной мере, впрочем, так и не состоялась). Таким образом, попытка выйти на самостоятельное, а не «управляемое» извне формирование коалиции и ее основной повестки оказалась неудачной.

В 2014 г. проводились следующие очередные досрочные выборы: это было связано с выходом из ДПК двух ее влиятельных лидеров – Ф. Лимая и Я. Красничи, сформировавших Новую инициативу для Косово, что снизило устойчивость парламента до минимума. ДПК по итогам выборов не смогла сформировать парламентское большинство. Ей в противовес попытался выступить конгломерат оппозиционных партий (Альянс за будущее Косово, «Самоопределение», ДЛК и Новая инициатива для Косово), что в силу крайней его разнородности вновь привело к формированию абсолютно недееспособного парламента². Он тоже не просуществовал и половины срока, дожив до середины 2017 г. Та же судьба постигла и следующий, а также избранный 6 октября 2019 г., когда премьер-министром впервые стал лидер «Самоопределения» А. Курти.

Такая резкая даже для косовских реалий деградация политической жизни и стабильности закономерно объяснялась с точки зрения США и ЕС. Постоянная поддержка хотя бы одной из тех сил, которые цементировали относительное национальное единство «албанского мира» Косово, обеспечивала для государств, признавших независимость Косово, «лазейку» для активизации институционального строительства за счет поддержания общей стабильности в «албанском мире» (стратегия «мягкого транзита», а не расшатывания). После опубликования в декабре 2010 г. доклада Специального докладчика Комиссии по соблюдению прав человека Парламентской ассамблеи Совета Европы Д. Марти о военных преступлениях, совершенных лидерами ОАК, и последовавшего за ним решения о необходимости учреждения суда по военным преступлениям в Косово, стало ясно, что последний становится одним из инструментов, посредством которого можно формировать партийную систему Косово. Это, кстати, существенно корректирует то, как учреждение данного органа было воспринято мировым сообществом: его основная задача – не столько установление объективной картины того, что происходило до, в ходе и по окончании косовского конфликта в крае, а попытка за счет дополнительных, формально объективных и правовых инструментов отформатировать партийную сцену в «албанском мире» Косово. Однако осуществлять это необходимо с осторожностью; в противном случае возникает реальный риск распада и радикализация албанцев как таковая. Переговоры о создании суда шли в течение пяти лет. Суд был создан в 2016 г. фактически в результате ультиматума, предъявленного Вашингтоном и Брюсселем Приштине: либо албанцы соглашались на его создание и работу в рамках косовской судебной системы, но в Гааге при финансировании и кадровом наполнении со стороны ЕС, либо его создадут без участия Приштины в рамках ООН при поддержке России и Китая³. Начиная с 2017 г. падение всех коалиционных правительств так

1 Beha 2017, 119–120.

2 Kabashi-Ramaj 2017, 8.

3 Саморуков, М. Гаага для премьера Косова. Почему Запад разлюбил косовских лидеров // Московский центр Карнеги. 23 июля 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/79546> (дата обращения: 03.03.2021).

или иначе было связано как раз с фактором работы суда, но в итоге постепенно начало приводить к замещению локальных политических кадров.

Выборы, которые состоялись в Косово 6 октября 2019 г., были практически сразу признаны «поворотными» в политической жизни «албанского мира»¹. Коалиционное правительство было сформировано двумя партиями («Самоопределение» и ДЛК), в рядах которых де-факто отсутствовали ветераны ОАК, что позволило рассматривать ситуацию как транзитную для партийно-политической сцены Приштины. При этом необходимо понимать, что победа А. Курти была связана не столько с успешными мерами международного сообщества по трансформации внутренней сцены в Косово, сколько с рядом вполне четких факторов. Во-первых, тупиком в диалоге Приштины и Белграда, который очевидно не приносит никаких дивидендов албанскому населению в отношении европейской интеграции. Во-вторых, последовательной вовлеченностью «Самоопределения» в работу с молодым поколением и в целом ставкой на него: в условиях высочайшего уровня безработицы и бесперспективности, а также усталости от этно-кланового распределения внутрипартийных ресурсов откровенно популистская программа А. Курти неизбежно в какой-то момент должна была обеспечить масштабность голосования. Наконец, на фоне отсутствия идеологического размежевания между основными партиями активная позиция «Самоопределения», его поддержка имеющими большой авторитет среди албанцев американцами-демократами и британским истеблишментом также сыграли свою роль. Однако данное правительство в результате внутренних распрей о путях борьбы с коронавирусной пандемией, будучи сформированным в январе 2020 г., продержалось только до марта. Хотя определяющей роли это сыграть уже не могло: на очередных досрочных выборах 14 февраля 2021 г. «Самоопределение» вновь одержало уверенную победу, максимально приблизившись к минимуму парламентского большинства.

Внешний аспект формирования косовских властных институтов

После занятия территории края войсками НАТО и принятия резолюции СБ ООН 1244 верховная власть в Косово была передана МООНК (УНМИК). Именно эта структура внешнего управления была уполномочена принимать все основные решения. В силу этого преобладающее влияние внешнего фактора на формирование косовской политической сцены было запрограммировано самим форматом внешнего управления данной территорией. Логику взаимодействия между всеми, кто оказывал международное содействие миротворческой миссии ООН в Косово, сложно назвать ясной. После 11 июня 1999 г. в Косово была создана система внешнего управления, при которой верховная политическая власть осуществляла МООНК, а за военную безопасность отвечала НАТО в лице контингента КФОР. Под общей эгидой МООНК действовала целая экосистема международных организаций, отвечавших за частные вопросы: ОБСЕ (выбор-

1 Distler 2020.

ный процесс), МВФ, Всемирный банк, отраслевые агентства ООН, национальные гуманитарные агентства, международные НПО и т.п. Первоначально сходная модель была отработана в рамках дейтонской Боснии и Герцеговины (БиГ)¹.

Существенно то, что США и ЕС по-разному оценивали, к чему в итоге должна привести деятельность миротворческой миссии: для обоих субъектов было важно поддержание мира и стабильности, но для ЕС, в силу логики проекта европейской интеграции, принципиальное значение имело строительство надежных и долгосрочных институтов². Эта разница особо заметна при анализе содержания Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы, принятого несколькими десятками стран, включая США, в 1999 г., и Процесса стабилизации и ассоциации ЕС для стран Западных Балкан, разработанного также в 1999 г., но запущенного на саммите в Салониках в 2000 г. Если первый нацелен на постконфликтное восстановление, то второй – на перспективу интеграции региона в Европейский союз.

Вследствие этого именно ЕС стоит рассматривать в качестве основного внешнего фактора, влиявшего на формирование институциональной, а через нее – политической структуры на пространстве Косово. Основные принципы, положенные в основу стратегии расширения ЕС в Юго-Восточной Европе, хорошо известны: это принципы «обусловленности» и «социализации», которые были разработаны еще для интеграции стран Центральной и Восточной Европы. В случае с пространством бывшей Югославии – по отношению к БиГ, краю Косово и Метохии – к этим двум принципам добавился также принцип «прямого правового принуждения», ставший основным инструментом в руках Высокого представителя ЕС.

Подход «кнута и пряника», по общему убеждению, дал положительный эффект в отношении интеграции стран ЦВЕ, а затем был де-факто калькирован на пространство бывшей Югославии и Албанию, хотя практических оснований для этого было немного. Дело в том, что на Балканах ЕС столкнулся с принципиально новыми для себя задачами: это постконфликтное урегулирование в пространстве с не решенными окончательно этно-территориальными вопросами и неоднозначно определенными итогами гражданских войн; строительство гражданско-правовых институтов в условиях полураспада государства и неполного государственного суверенитета; формирование государственных образований, не имевших прежде подобного опыта³. В той или иной степени эти задачи касались всего постъюгославского пространства, но только в случае с Косово все три остаются нерешенными. Здесь модель «обусловленности» совместных действий и «социализации» / «европеизации» политических элит создала дополнительные проблемы. Сама по себе логика этнического конфликта препятствовала какой-либо эффективной «обусловленности», поскольку требования со стороны ЕС неизбежно упирались в вопросы национальной идентичности и в условиях нерешенного финального статуса Косово несли за собой высокие политические риски для местных элит (как албанских, так и сербских).

Кроме того, стратегия ЕС на всем постъюгославском пространстве – и Косово здесь не стало исключением – была направлена на выстраивание диалога с

1 Энгельгардт 2008.

2 Tadić, Elbasani 2018, 190.

3 Энтина 2020, 183.

правлящими политическими элитами и практически не касалась (и не касается до сих пор) вопросов национального примирения, нахождения консенсуса и т.п. Это привело к складыванию слабой политической системы в Сербии, не создало нормальных переговорных рамок в Боснии и Герцеговине, сильно ослабило процесс европейской интеграции Черногории. Наконец, логика «обусловленности» не предполагала и не предполагает контроля над усвоением норм права, а только фиксирует факт их адаптации к национальному законодательству. В случае с постъюгославским пространством это привело к тому, что ЕС фактически подошел к ситуации, в которой у него отсутствует механизм эффективного контроля за реальной имплементацией тех реформ, которые он требует от местных политических элит. С учетом внутренних условий в Косово это – одна из причин практически полной неэффективности политики ЕС по строительству здесь государственных институтов¹.

Попытки ЕС сформировать устойчивые институты в Косово можно вслед за Е. Баракани разделить на три этапа, добавив и условный «четвертый» (см. Таблицу).

Таблица.

**РОЛЬ ЕС В ФОРМИРОВАНИИ УСТОЙЧИВЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ
В КОСОВО (1999–2020)
EU ACTIVITY IN FORMING SUSTAINABLE PUBLIC INSTITUTIONS
IN KOSOVO (1999–2020)**

Этап	Условное название	Основные инструменты	Общее восприятие ЕС как внешнеполитического фактора	Превалирующий подход к строительству институтов
1	Внутренняя администрация (1999–2008)	– Дипломатическая активность (1999) – Экономическая помощь (1999) – Процесс стабилизации и ассоциации (1999) – Политика «обусловленности» (2004) – Европейская перспектива (2005)	От восприятия в качестве второстепенного и зависимого от США субъекта (1999) к самостоятельному внешнеполитическому игроку, претендующему на роль «монополиста» в регионе (2004)	Строительство институтов через применение принципов «обусловленности», «социализации» и «прямого правового принуждения»
2	Мониторинговая миссия (2008–2012)	– Нейтральный статус ЕС в отношении провозглашения независимости – Спецпредставитель ЕС в Косово (2008) – Правовая миссия ЕС (2008) – Интенсификация диалога (2011)	Внутренние противоречия в ЕС в отношении одностороннего провозглашения независимости Приштиной де-факто замораживают процесс возможного присоединения Косово к ЕС	Попытка формирования институтов через запуск внутреннего диалога и принуждение к нему

1 Baracani 2020, 366.

Этап	Условное название	Основные инструменты	Общее восприятие ЕС как внешнеполитического фактора	Превалирующий подход к строительству институтов
3	Вторая миссия (2012–2018)	– Соглашение о нормализации отношений между Белградом и Приштиной (2013) – Соглашение о стабилизации и ассоциации с Приштиной (2015) Новая стратегия для Западных Балкан (2018)	Восприятие ЕС как слабеющего и раздираемого внутренними противоречиями международного актора, вследствие этого – резкое снижение авторитета ЕС как основной переговорной площадки Белграда и Приштины (2015– н.в.)	Приоритизация диалога Белграда и Приштины о нормализации отношений
4	Посредничество в нормализации отношений Белграда и Приштины (2019– н.в.)	– Изменение мониторинговых критериев (2019) – Неоднократные попытки возобновить диалог между Белградом и Приштиной (2018–2020) – Поддержка инициативы «малого Шенгена» в Юго-Восточной Европе (2020)	Восприятие ЕС как субъекта, неспособного к урегулированию вопросов подобного уровня вне лидирующей роли США, переход к «инфраструктурным» инициативам ЕС в регионе как наиболее успешным и перспективным. Начало деполитизации восприятия ЕС	Выход на возможность взаимного признания в результате давления со стороны США, а также попытка сформировать лояльную и более управляемую политическую сцену в «албанском мире» Косово через поддержку ситуации постоянных внеочередных выборов

Источник: составлено автором.

Когда в 1999 г. в Косово была развернута миротворческая миссия, «патронажные сети стремительно превратились в иерархически организованные партии, собираемые вокруг “супер-патронов” – сильных лидеров, которые как распоряжались потоком ресурсов, так и осуществляли принятие всех решений»¹. Понятно, что наиболее важной задачей, стоявшей перед ними, было удержание максимального количества лояльно настроенных косоваров через их прямое или косвенное подключение к поступающим ресурсам: приватизационные сделки, контракты, рабочие места, неформальные связи и пр. В этом отношении ситуация в «албанском мире» Косово мало чем отличалась от того, что происходило в регионе в целом. Сформировавшись в основном задолго до размещения МООНК, эти неформальные институты и связи были просто перенесены – настолько, насколько это было возможно – на проводимый под покровительством МООНК и в чем-то вызывающий эксперимент по созданию институтов, более характерных для зрелых политических систем.

В рамках МООНК представители ЕС на первом этапе были нацелены на экономическое восстановление региона и стали, по сути, основным донором экономической помощи. В развитие экономического сюжета был запущен Процесс стабилизации и ассоциации, который предполагал возможность будущего членства в ЕС для всех стран бывшей Югославии. Вместе с тем перспективы Косово в рамках данной инициативы ясно обозначены не были по причине нерешенности вопроса статуса края. Однако несмотря на это, запуск инициативы дал ЕС возможность начать реализацию стратегии «обусловленности», в том числе и

1 Tadić, Elbasani 2018, 189.

в отношении Косово. В 2004 г., после мартовских погромов сербского населения края, международное сообщество поставило вопрос об определении фактического статуса Косово в разряд приоритетных и трансформировало формулу «стандарты прежде, чем статус» фактически в переговоры о статусе края. Примечательно, что этот шаг послужил и для Европейского союза катализатором в отношении конкретизации позиции по Косово, и в 2005 г. ЕС объявил о возможной перспективе членства и для Косово.

Провозглашение независимости Косово в одностороннем порядке 17 февраля 2008 г. стало одним из поворотных моментов в обновлении полномочий местных и международных субъектов. План М. Ахтисаари, составленный до провозглашения независимости, инициировал серию правовых и институциональных изменений, в частности он предполагал «независимость под международным контролем», то есть в любом случае сохранение внешнего контроля над Косово с перспективой его постепенного сворачивания. Однако продолжение международного присутствия рассматривалось главным образом в контексте недопущения фиаско институционализации, а также попадания институтов под полный контроль приштинских элит. Международное присутствие было распределено по двум более мелким миссиям: Международный гражданский офис и Миссия ЕС по верховенству права (*EULEX*). Деятельность Гражданского офиса была связана с имплементацией плана М. Ахтисаари и завершилась в 2012 г. *EULEX* должен был способствовать развитию правосудия, проведению полицейской и таможенных реформ. В целом же новая миссия свидетельствовала о поэтапном переходе управления институтами в руки местных элит. В свою очередь, они в соответствии с планом М. Ахтисаари довольно быстро запустили процесс обновления законодательства. В очень короткие сроки был принят 41 закон, чье качество и реальная применимость тем не менее вызвали большие сомнения¹.

На уровне ЕС провозглашение независимости Косово, как известно, привело к существенным разногласиям, поскольку пять стран (Испания, Греция, Кипр, Словакия, Румыния) в силу разных причин отказались признавать данный шаг. Эти разногласия были преодолены техническим путем, когда ЕС занял нейтральную позицию в отношении статуса Косово, не поддерживая и не признавая его независимости. Это позволило возложить технические переговоры на Европейскую комиссию под общим лозунгом «Разнообразие в отношении признания, единство – в ответственной вовлеченности». Таким образом, ЕС ввязался в реализацию положений плана М. Ахтисаари через параллельное назначение одного и того же лица главой Международного гражданского офиса и *EULEX*. Данное решение сыграло с ЕС в некотором роде злую шутку: назначенный в качестве Высокого представителя ЕС П. Файс должен был придерживаться нейтрального статуса в отношении косовской независимости и опираться на временную администрацию ООН как основную, но как глава Гражданского офиса он признавал независимость Косово. Задача ЕС по выстраиванию правовых институтов существенно осложнялась тем, что сербская часть Косово первоначально не признала ни Гражданский офис, ни *EULEX* (как не подразумевавшиеся резолюцией

1 Tadić, Elbasani 2018, 194.

1244) и допустила их деятельность на севере края только в рамках нейтрального статуса внутри временной администрации ООН. Вследствие этого инициативы ЕС по строительству правовых институтов практически никогда не охватывали территорию всего Косово, в результате чего не воспринимались и не имплементировались ни сербской, ни албанской стороной.

К 2011 г. ЕС переходит от тактики построения институтов через принцип «обусловленности» к стратегии нормализации отношений между Белградом и Приштиной. По резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 64/298 от 13 октября 2010 г. диалог о нормализации отношений был де-факто переведен из-под крыла ООН под ответственность ЕС. Переговоры были разделены на две части: политические вопросы и предшествовавшие им технические вопросы. Через решение технических вопросов Брюссель предполагал наладить межэтнические отношения и эффективное общение в крае. В результате этих переговоров были согласованы договоры в следующих областях: книги регистрации актов гражданского состояния, свобода передвижения, таможенное регулирование, кадастр, функционирование ЦЕАСТ, признание университетских дипломов, интегрированный контроль административной границы, региональное представительство и сотрудничество, наконец, соглашение о нормализации отношений¹.

Избранный подход имел неоднозначные последствия. ЕС удалось посадить представителей Белграда и Приштины за стол переговоров, что стало безусловным успехом европейской дипломатии, однако не удалось изменить представления о том, в чем заключаются жизненно важные интересы и для той, и для другой стороны, что могло бы действительно стать толчком к нормализации отношений. Весь переговорный процесс периода 2013–2018 гг. показал, что, несмотря на регулярность встреч и постоянный диалог между Белградом и Приштиной, динамика и прогресс по большей части зависели от политических циклов и политических интересов в Белграде и Приштине. Именно поэтому ставка на технические переговоры стала игрой с нулевой суммой, поскольку требование «обусловленности» в основном так и осталось достигнутым лишь на бумаге, но не в реальной жизни Косово.

Необходимость нормализации отношений Белград и Приштина с течением времени стали оценивать по-разному. Брюссельское соглашение было подписано косоварами и сербами спустя два дня после того, как Европейский союз заявил о том, что в случае успеха Белграду дадут «зеленый свет» на переговоры, а с Приштиной начнут процесс подготовки к подписанию Соглашения о стабилизации и ассоциации. Однако если сербы за период 2013–2018 гг. смогли получить решение по началу переговоров о членстве – и договоренность была достигнута сразу же, на Совете в июне 2013 г., и вступила в силу с января 2014 г., то косовары оказались менее удачливыми. Они подписали Соглашение о стабилизации и ассоциации значительно позже – только 27 октября 2015 г., а ратифицировано оно было в январе 2016 г. При этом какие-либо практические последствия и дивиденды от его подписания отсутствуют для косоваров и по сей день.

1 Энтина 2020, 235.

Логично, что подобная задержка стала для Приштины демотивирующей. Она подтвердила обоснованность скептических оценок посреднических способностей ЕС и спровоцировала падение доверия со стороны приштинских властей, которое было залогом выстраивания долгосрочной платформы взаимодействия. Его основой также была четкая перспектива европейской интеграции. Однако уже в 2014 г. тогдашний председатель ЕК Ж.-К. Юнкер обозначил неготовность ЕС к дальнейшему расширению. Последующие обновленные стратегии ЕС (2018) в условиях открытого скепсиса ведущих стран-членов ЕС не смогли серьезно укрепить веру и Приштины, и Белграда в реальность дальнейшего эффективно расширения ЕС в Юго-Восточной Европе.

В результате начиная с 2013 г. Европейский союз становится все менее авторитетным посредником для Белграда и Приштины, тем самым задавая еще большие пределы и своей миссии в Косово. С 2015 г. деятельность *EULEX* фактически сводится к минимуму и подвергается всесторонней жесткой критике.

К 2018 г. посредническая роль Европейского союза в косовском вопросе и вовсе фактически зашла в тупик. ЕС на практике отказался от своего первоначального плана выстроить эффективные государственные институты на территории Косово. В результате падения доверия и авторитета в глазах Белграда и Приштины сегодня Европейский союз, скорее, осуществляет поддержку инициатив Вашингтона, которые в первую очередь связаны с перегруппировкой сил внутри НАТО, а также реализацией ряда транзитных и инфраструктурных проектов в Юго-Восточной Европе.

Основным инструментом влияния на политические элиты региона вновь, как в разгар Югославского кризиса 1990-х гг., стала связка США – ЕС, где роль первой скрипки играют американцы. Базой взаимодействия постепенно становятся субрегиональные расширенные форматы сотрудничества – Берлинский процесс, формально возглавляемый ЕС, и Вашингтонские соглашения от 4 сентября 2020 г., де-факто рассматривающие косовский вопрос в более широком региональном контексте. Одной из точек синергии евро-атлантических усилий можно считать подписанное в 2019 г. между Сербией, Албанией и Северной Македонией соглашение о региональном экономическом сотрудничестве, получившем неформальное название «мини-Шенген»¹, к которому Косово присоединилось 9 ноября 2020 г. Его подписание и подключение Приштины потенциально ведет не только к образованию единой экономической зоны, но и перегруппировке всех внутривнутриполитических сил субрегиона. Он обозначает связку двух наиболее крупных и активно развивающихся на фоне повышающейся транзитной роли этнических групп – сербской и албанской. Применительно к внутривнутриполитическим процессам в «албанском мире» Косово, скорее всего, это свидетельствует о том, что дальнейшее развитие и трансформация политических сил и партий будет проходить уже не в обособленном «приштинском» ключе, но приобретет форматы общеалбанских политических движений.

1 "Albania, North Macedonia, Serbia Sign 'Mini-Schengen' Declaration," Balkan Insight, October 10, 2019, accessed April 28, 2021, <https://balkaninsight.com/2019/10/10/albania-north-macedonia-serbia-sign-mini-schengen-declaration/>.

Заключение

В первую очередь можно вполне уверенно сделать вывод о том, что к 2021 г. в «албанском мире» Косово начался транзит власти от иерархически выстроенных, закрытых, деидеологизированных политических партий – наследников мира конца 1990-х гг. – к партийной системе, более близкой к европейской классической модели. При этом как и во многих странах Западной Европы, солидная часть программы «карьерных политиков» строится на открытом политическом популизме. Его составной частью является последовательное отстаивание одних и тех же позиций на протяжении многих лет. Для косовского «Самоопределения» ими стали: а) неизменная оппозиция присутствию международного сообщества в Косово и необходимости диалога с Белградом; б) публичный отказ любых моделей приватизации предприятий в Косово; в) традиционная для популистских партий широкая «социальная программа»: социальная помощь, регулирование рынка, субсидии в сельское хозяйство и др. Было бы ошибочно ожидать, что данная программа в Косово будет реализована вне международного участия и в условиях «заморозки» окончательного решения вопроса по статусу Косово, в частности, как последовательно заявляет А. Курти, отказа от диалога с Белградом.

Данный диалог при активном посредничестве демократической администрации в Вашингтоне будет продолжен, но акценты внутри него сместятся: от обсуждения выгод Белграда собственно по проблеме принадлежности всей или части территории к дискуссии о месте и роли инфраструктурного и транспортно-логистического тандема Белград – Тирана в стратегически значимой транзитной зоне Юго-Восточной Европы. Таким образом будет укреплен статус Белграда как основного исторического узла региона, а за счет совместных инвестиций – до определенной степени разрешен вопрос с объективно тяжелейшим социально-экономическим положением Косово. При этом вряд ли можно рассчитывать на то, что Белград в том числе получит территориальные уступки (то есть на возвращение вопроса о территориальном обмене Белграда и Приштины).

Развитие партийно-политической сцены в условиях укрупнения геостратегического контекста неизбежно пойдет в общеалбанском формате. Сегодня и ДПК, и ДЛК, по сути, ориентируются на паналбанский контекст. Описанный выше ракурс возможного диалога Белграда и Приштины в случае реализации его еще больше подчеркнет. От этой ситуации в первую очередь выигрывают США (в лице НАТО) и КНР, реализующие объемные и мало зависящие от двусторонних отношений геополитические стратегии. России и ЕС предстоит сориентироваться: если интересам ЕС в целом такой тренд отвечает, хотя и не учитывает собственные геополитические амбиции, то для России подобный сценарий несет очевидные угрозы. В условиях практически полного отсутствия диалога не только с «албанским миром» Косово, но и албанским миром вообще, Москва постепенно становится не «спасителем» православных народов Балкан, а потенциальной обузой. Выходом из этой ситуации может стать только быстрая переориентация внешнеполитической стратегии России в Юго-Восточной Европе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Искендеров, П.А. Республика Косово // Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. – М.; СПб.: Нестор-история, 2015. – С. 456–466. [Iskenderov, Pyotr A. "Republic of Kosovo" [Republika Kosovo]. In *Central and South-Eastern Europe. Late XX - early XXI centuries Aspects of social and political development. Historical and political reference book*, 456–466. Moscow, Saint Petersburg: Nestor-History, 2015] [In Russian].
- Кандель, П.Е. Как выиграть выборы и проиграть власть: Косово и Словения // Научно-аналитический Вестник ИЕ РАН. – 2020а. – № 2. – С. 63–68. [Kandel, Pavel E. "How to Win Elections and to Loose Power: Kosovo and Slovenia" [Kak vyigrat' vybory i proigrat' vlast': Kosovo i Sloveniya] *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, no. 2 (2020): 63–68] [In Russian].
- Кандель, П.Е. Косовский прецедент и постсоветские конфликты // Актуальные проблемы Европы. – 2009. – № 3. – С. 19–38. [Kandel, Pavel E. "Kosovo precedent and Post-Soviet Conflicts" [Kosovskij precedent i postsovetskie konflikty] *Current problems of Europe*, no. 3 (2009): 19–38] [In Russian].
- Кандель, П.Е. Президентские выборы в Хорватии и парламентские – в Косово // Научно-аналитический Вестник ИЕ РАН. – 2020б. – № 1. – С. 43–49. [Kandel, Pavel E. "Presidential Elections in Croatia and Parliamentary Elections in Kosovo" [Prezidentskie vybory v Horvatii i parlamentskie – v Kosovo] *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, no. 1 (2020): 43–49] [In Russian].
- Кандель, П.Е. Юбилей независимости Косово: итоги и перспективы // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2018. – № 1. [Kandel, Pavel E. "Kosovo Independence Anniversary: Results and Perspectives" [Yubilej nezavisimosti Kosovo: itogi i perspektivy] *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, no. 1 (2018)] [In Russian].
- Косово: международные аспекты кризиса / Ред. Д.В. Тренин, Е.А. Степанова. – М.: Московский Центр Карнеги, 1999. – 309 с. [Kosovo: *International Aspects of the Crisis* [Kosovo: mezhdunarodnye aspekty krizisa], edited by D.V. Trenin, E.A. Stepanova. Moscow: Carnegie Moscow Center, 1999] [In Russian].
- Пономарева, Е.Г. Албанский фактор дестабилизации Западных Балкан: Сценарный подход // Вестник МГИМО-Университета. – 2018. – № 2. – С. 99–124. [Ponomareva, Elena G. "Albanian Factor of Destabilization of the Western Balkans" [Albanskij faktor destabilizatsii Zapadnykh Balkan] *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 2 (2018): 99–124] [In Russian].
- Пономарева, Е.Г. «Новое прошлое»: албанский вопрос в европейской политике // Современная Европа. – 2019. – № 7. – С. 158–167. [Ponomareva, Elena G. "New Past: The Albanian Question in European Politics" [«Novoe proshloe»: albanskij vopros v evropejskoj politike] *Contemporary Europe*, no. 7 (2019): 158–167] [In Russian].
- Пономарева, Е.Г. Новые государства на Балканах: Монография. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – 252 с. [Ponomareva, Elena G. *The New Balkan States* [Novye gosudarstva na Balkanah]. Moscow: MGIMO-University, 2010] [In Russian].
- Энгельгардт, Г.Н. Государства ограниченного суверенитета на постюгославском пространстве // Звенья. – 2008. – № 3(11). – С. 107–121. [Engelgardt, Georgij N. "States of Limited Sovereignty in the Post-Yugoslav Area" [Gosudarstva ogranichenного suvereniteta na postyugoslavskom prostranstve] *Zven'ya* 11, no. 3 (2008): 107–121] [In Russian].
- Энтина, Е.Г. Международный контекст евроинтеграции Западных Балкан. – М.: Ин-т Европы РАН, 2016. – 130 с. [Entina, Ekaterina G. *European Integration of the Western Balkans: International Background* [Mezhdunarodnyj kontekst evrointegracii Zapadnykh Balkan]. Moscow: IE RAS, 2016] [In Russian].
- Baracani, Elena. "Evaluating EU Actorness as a State-Builder in 'Contested' Kosovo." *Geopolitics* 25, no. 01. (January 2019): 1–25. DOI:10.1080/14650045.2018.1563890.
- Beha, Adem. *Between Stabilisation and Democratisation: Elections, Political Parties and Intra-party Democracy in Kosovo*. Centre for Political Courage, Friedrich-Ebert-Stiftung, Prishtina Office, 2017.
- Beha, Adem. "Consociational Democracy and Political Engineering in Postwar Kosovo." *Nationalities Papers* 47, no. 04. (May 2019): 674–689.
- Bieber, Florian. "Building Impossible States? State-building Strategies and EU Membership in the Western Balkans." *Europe-Asia Studies* 63, no. 10 (November 2011): 1783–1802.
- Bieber, Florian. *Understanding the War in Kosovo*. Routledge, 2003.
- Bieber, Florian. "Power Sharing as Ethnic Representation in Postconflict Societies: the Cases of Bosnia, Macedonia, and Kosovo". In *Nationalism after communism: lessons learned*, edited by A. Mungiu-Pippidi and I. Krastsev, 231–248. Budapest: CEU Press, 2004.
- Bieber, Florian, and Nikolaos Tzifakis. *The Western Balkans in the World: Linkages and Relations with Non-Western Countries*. London: Routledge, 2019.
- Bieber, Florian. "The Serbia-Kosovo Agreements: An EU Success Story?" *Review of Central and East European Law* 40, no. 3–4. (December 2015): 285–319.
- Distler, Werner. "Political crisis and the Corona – 'State of Emergency' in Kosovo." *Zeitschrift für Friedens- und Konfliktforschung* 9, no. 02 (October 2020): 375–384. DOI:10.1007/s42597-020-00046-w.
- Harmel, Robert, and Kenneth Janda. "An Integrated Theory of Party Goals and Party Change." *Journal of Theoretical Politics* 6, no. 03 (July 1994): 259–287. DOI:10.1177/0951692894006003001.
- Kabashi-Ramaj, Besa. *Political Instability in Kosovo and Implications for the Human Security of the People*. Pristina: Centre for Research, Documentation and Publication, 2017. <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/kosovo/13842.pdf>.
- Keil, Sören, and Florian Bieber. "Power-Sharing Revisited: Lessons Learned in the Balkans?" *Review of Central and East European Law* 34, no. 04 (January 2009): 337–360. DOI: <https://doi.org/10.1163/092598809X12474728805778>.
- Mrdalj, Mladen. "From Pararepublic to Parastate: International Leverage in Shaping Kosovo's Secession." *Nationalities Papers* 48, no. 01 (January 2020): 42–60. DOI:10.1017/nps.2019.85.
- Sartori, Giovanni, and Peter Mair. *Parties and Party Systems: a Framework for Analysis*. Colchester: ECPR Press, 2005.
- Tadić, Katarina, and Arolda Elbasani. "State-building and Patronage Networks: How Political Parties Embezzled the Bureaucracy in Post-war Kosovo." *Southeast European and Black Sea Studies* 18, no. 02 (May 2018): 185–202. DOI:10.1080/14683857.2018.1474551.
- Yabancı, Bilge. "Populism and Anti-Establishment Politics in Kosovo: A Case Study of Lëvizja Vetëvendosje." *Contemporary Southeastern Europe* 3, no. 02 (2016): 17–43.

Сведения об авторе

Екатерина Геннадьевна Энтина,
д.пол.н., профессор Факультета мировой экономики и мировой политики
Департамента международных отношений, директор Центра развития и интеграции
проектной деятельности НИУ ВШЭ,
Мясницкая ул., 20, Москва, 101000.
e-mail: e.entina@hse.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 24 февраля 2021. Принята к публикации: 2 мая 2021.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Цитирование

Энтина, Е.Г. Международный фактор во внутриполитических трансформациях
в «албанском мире» Косово // Международная аналитика. – 2021. – Том 12 (1). – С. 112–131.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-112-131>

The International Factor in the Domestic Political Transformation in the Kosovo's* “Albanian World”

ABSTRACT

The Kosovo issue is predominantly researched in academic and expert literature from an international political perspective. However, in light of common socio-political processes taking place in Europe during the last five-seven years, the study of its internal political component, namely the political party transformation under the influence of external factors and the international community, regional stabilization efforts is no less important. Based on J. Sartori's classification of party systems and R. Harmel and K. Janda's theory of party change, the article studies the role of international actors, in particular the European Union, played in the institutional transformation of the political party transformation in the Albanian Kosovo. It also studies what opportunities and barriers appeared as a result of the EU's involvement. The paper explains why the complex configuration of the international mission in Kosovo in practice did not increase its legitimacy and establish an institutional system of governance but instead resulted in a loss of the mission's credibility. The paper analyses and describes the process of political party transformation in Kosovo's “Albanian world” and highlights the significant milestones in the development of a party system involving those that had been borne out of the Kosovo conflict. The article explains their possible ways of transformation in the future. It also explains the success factors of the populist “Self-Determination” movement and how sustainable this success has been in the changing international balance.

KEYWORDS

Kosovo, political party transformation, populism, EU, Serbian-Albanian relations

Author

Ekaterina G. Entina,

Professor, Faculty of World Economy and World Politics, Department of International Relations,
Director of the Center for Development and Integration of Project Activities,
National Research University Higher School of Economics,
Myasnitskaya st., 20, Moscow, 101000.

e-mail: e.entina@hse.ru

Additional information

Received: February 24, 2021. Accepted: May 2, 2021.

Disclosure statement

No potential conflict of interests was reported by the author.

For citation

Entina, Ekaterina G. “The International Factor in the Domestic Political Transformation in the Kosovo's ‘Albanian World’.”

Journal of International Analytics 12, no. 1 (2021): 112–131.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-112-131>

* In accordance with UN Security Council Resolution 1244, Kosovo is considered to be part of the Republic of Serbia.